

МХ XIX
8-5

Байрон, А

277
В. 2-й экз.

Рис. Н. Нодковъ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Гр. А. Смирновъ

1822

МК
KAD

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИКЪ,

ПОЭМА

ЛОРДА БЕЙРОНА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. Ж.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1822.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

С. Петербургъ, Апрѣля 14 дня, 1822 года.

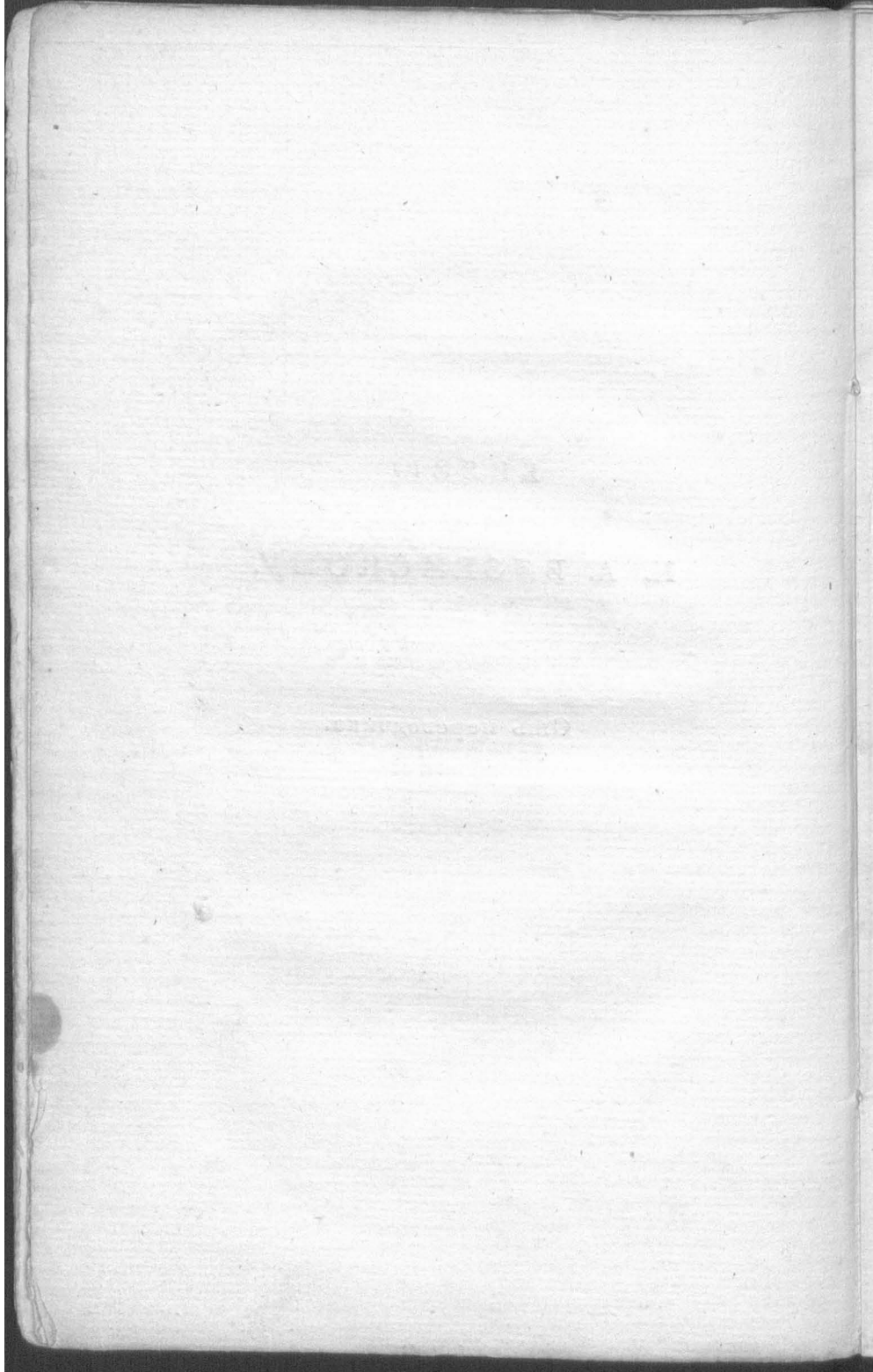
Цензоръ Александръ Красовскій.

КНЯЗЮ

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Опъ переводчика.

Замокъ Шильонъ — въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бонниваръ, Женевскій гражданинъ, мученикъ въры и патріотизма — находится между Кларапомъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевского озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ С. Морицу и Мартиныи, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монтре, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя топки сіяютъ Лозанна, Моржъ, С. Пре и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 Французскихъ футовъ. Можно подуматъ, что онъ выходитъ

изъ воды, ибо совсемъ невидно утеса, служащаго ему основаніемъ : гдѣ конгится поверхность озера, тамъ нагибаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бонниваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ : своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу ; съ одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонниварова ; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро у Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана : онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко разлитить изъ оконъ замка. — На заглавномъ листѣ изображены замокъ Шильонъ снятый со стороны Вильнева, и внутренность Бонниваровой темницы.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

I.

Взгляните на меня : я сѣдъ!
Но не опъ хилоспи и лѣпъ !
Не спрахъ незапный въ почъ одну
До срока даль мнѣ сѣдину !
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой !
Но не шруды, не хладъ и зной —
Тюрьма разрушила меня !
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца !
Удѣлъ несчастнаго опца :
За вѣру — смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ спалъ и сыповей !

Насъ было семь — шести ужъ нѣтъ!
 Отецъ, спрадалецъ съ юныхъ лѣтъ,
 Погибшій старцемъ на коспрѣ,
 Два брата, падшіе во прѣ,
 Отдавъ на жертву честь и кровь,
 Спасли души своей любовь!
 Три заживо схоронены
 На днѣ тюремной глубины —
 И двухъ сожрала глубина!
 Лишь я, развалина одна,
 Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
 Чтوبъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ стоишь Шильонъ;
 Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ,
 Покрытыхъ влажнымъ мохомъ лѣтъ.
 На нихъ печальный брежжеть свѣтъ:
 Лучъ, ненарокомъ съ вышины
 Упавшій въ щрецину спѣны

И заронившійся во мглу;
 И на сыромъ шпюръмы полу
 Онъ свѣшпшъ шускло-одинокъ,
 Какъ надъ болошомъ огонёкъ,
 Во мракъ вѣющій ночномъ.
 Колонна каждая съ кольцомъ;
 И цѣпи въ кольцахъ шѣхъ висяшъ;
 И шѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ!
 Мнѣ въ члены вгрызлося оно!
 Не будетъ вѣкъ изшреблено
 Клеймо, нарѣзанное имъ!
 И день шяжелъ глазамъ моимъ,
 Ошвыкнувшимъ съ шоль давнихъ лѣшъ
 Глядѣшъ на радующій свѣшъ;
 И къ волѣ я душей ошпылъ
 Съ шѣхъ поръ, какъ бранш послѣдній былъ
 Убишъ неволей предо мной,
 И рядомъ съ мершвымъ я живой
 Терзался на полу шпюръмы!

III.

Цѣпями шѣми были мы
 Къ колоннамъ шѣмъ пригвозждены,
 Хошъ вмѣстѣ, но разлучены;
 Мы шагу не могли спуишь;
 Въ глаза другъ друга различишь,
 Намъ блѣдный мракъ шюрьмы мѣшалъ;
 Онъ намъ лице чужое далъ —
 И брашъ спалъ брашу незнакомъ.
 Была услада намъ въ одномъ:
 Другъ другу голосъ подавашъ,
 Другъ другу сердце пробуждашъ:
 Иль былью славной спарины,
 Иль звучной пѣснiю войны —
 Но скоро тоже и одно
 Во мглѣ шюрьмы изшощено!
 Нашъ голосъ спрашно одичалъ!
 Онъ хриплымъ ошголоскомъ спалъ

Глухой тюремный стѣны ;
 Онъ не былъ звукомъ сшарины,
 Увы ! подобно намъ самимъ
 Тогда и вольнымъ и живымъ !
 Мечта ль ? ... но голосъ ихъ и мой
 Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой !

IV.

Изъ насъ проихъ я сшаршій былъ !
 Я жребій собственный забылъ,
 Дыша заботою одной,
 Чшобъ имъ не дашь упасть душой !
 Нашъ младшій братъ, любовь опца...
 Увы ! чершы его лица,
 И глазъ умильная краса,
 Лазоревыхъ, какъ небеса,
 Напоминали нашу машь !
 Онъ былъ мнѣ все ! и увядашь
 При мнѣ былъ долженъ милый цвѣшь,
 Прекрасный, какъ попь дневный свѣшь,

Который съ неба мнѣ свѣшилъ,
 Въ кошоромъ я на волѣ жилъ;
 Какъ упрямо, былъ онъ чистъ и живъ!
 Умомъ младенчески-игривъ,
 Безпечно-весель самъ съ собой...
 Но передъ горестью чужой
 Изъ голубыхъ его очей,
 Бѣжали слезы какъ ручей!

V.

Другой былъ столь же чистъ душой!
 Но духъ имѣлъ онъ боевой!
 Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
 И въ первый рядъ на смерть пошовъ....
 Но безъ перпѣнья для оковъ!
 И онъ опъ звука ихъ завялъ!
 Я чувствовала, какъ погибалъ,
 Какъ медленно въ печали гасъ
 Нашъ бранецъ, незримый намъ, близъ насъ!

Онъ былъ спрълокъ, жалецъ холмовъ,
 Гонимель вепрей и волковъ —
 И гробъ шюрьма ему была!
 Неволн сила не снесла!

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
 И водъ его со всѣхъ споронъ
 Неизмѣрима глубина;
 Въ двойную волны и спѣна
 Тюрьму совокупились шамъ;
 Печальный сводъ, кошорый намъ
 Могилой заживо служилъ,
 Изрыпъ въ скалъ подводной былъ;
 И день и ночь была слышна
 Въ него бѣющая волна
 И шумъ надъ нашей головой
 Струй, отшибаемыхъ стѣной!
 Случалось — бурей до окна
 Бывала взброшена волна,

И брызговъ дождь насъ окроплялъ!
 Случалось — вихоръ бушевалъ,
 И содрогалася скала!
 И съ жадностью душа ждала,
 Чшо рухнетъ и задавишь насъ:
 Свободой былъ бы смертный часъ!

VII.

Средній братъ нашъ — я сказалъ —
 Душей скорбѣлъ и увядалъ.
 Уныль, угрюмъ, ожесочёнъ —
 Ошъ нищѣ отказался онъ:
 Ёда тюремная жестка!
 Но для могучаго спрълка
 Нужду переносишь легко!
 Для насъ Алпійскихъ козь млеко
 Смѣнила смрадная вода;
 А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
 Съ шѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
 Слезами смачивать должны

Невольники въ своихъ цѣпяхъ!
 Не опъ нужды скорбѣлъ и чахъ
 Мой братель! равно завялъ бы онъ
 И изобилемъ окружонъ,
 Безъ воли!... и почто молчалъ!
 Онъ умеръ!... яжъ ему подашь
 Руки не могъ въ послѣдній часъ!
 Не могъ закрыть попухшихъ глазъ!
 Вошще я цѣпи грызъ и рвалъ —
 Со мною рядомъ умиралъ
 И умеръ братель мой, одинокъ!
 Я близко былъ и былъ далёкъ!
 Я слышалъ могъ, какъ онъ дышалъ,
 Какъ онъ дышалъ пересавалъ,
 Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
 И какъ ужасно вдругъ зашихъ
 Во глубинѣ тюремной мглы!...
 Они, снявъ съ шрупа кандалы,
 Его безъ гроба погребли
 Въ холодномъ лонѣ шой земли,

На коей онъ невольникъ былъ!
 Вошше я ихъ въ слезахъ молилъ,
 Чшобъ брашу шамъ могилу дашь,
 Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіяшь!
 То мысль безумная была,
 Но душу мнѣ она зажгла:
 Чшобъ воленъ былъ хопъ въ гробѣ онъ!
 «Въ темницѣ (мнилъ я) мершвыхъ сонъ
 Не пихъ!»... Но былъ опвѣтъ слезамъ
 Холодный смѣхъ! И брашъ мой шамъ
 Въ сырой землѣ шюрмы зарышь!
 И въ головахъ его висипъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
 Убицъ достойный мавзолей!

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ;
 Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ;
 Сокровище семьи родной;
 Онъ — образъ машери душой

И чистой прелестью лица;
 Мечта любимая отца;
 Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
 Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть!
 Увы!... онъ долго могъ сносить
 Съ младенческою пишипой,
 Съ перстънемъ яснымъ жребій свой!
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ!... вдругъ день опъ дня
 Спаль упасть, ослабѣвалъ,
 Грустилъ, молчалъ и молча вялъ!...
 О Боже! Боже! страшно зрѣнь,
 Какъ силился преодолѣть
 Смерть чловѣка!.. я видалъ,
 Какъ рапникъ въ битвѣ погибалъ!
 Я видѣлъ, какъ пловецъ понулъ
 Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
 Съ надеждой гибнущей своей!
 Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй

Съ свирѣпой дикосшью въ чершахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла!
 Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
 Болѣзнь глубокая души!
 Смирненнымъ ангеломъ, въ шиши,
 Онъ гасъ, столь крошко-молчаливъ,
 Столь безнадежно-терпѣливъ,
 Столь грустно-помень, нѣжно-шихъ,
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гаснеть въ небесахъ!
 Ни вздоха скорби на устахъ!
 Ни ропота на жребій свой!
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 О упованьи... Но объять
 Сей прашой, горшею изъ прашъ,

Я былъ въ свирѣпомъ забыши!
 Вошце, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смершныя скрывалъ...
 Вдругъ рѣже, препенше сталъ
 Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ!...
 Молчаньемъ страшнымъ пробуждѣнь,
 Я вслушиваюсь.... тишина!
 Кричу, какъ бѣшенный.... стѣна
 Ошкликнулась.... и умеръ гуль!
 Я цѣпь опчаянно рванулъ
 И вырвалъ!.. къ брату!... брата нѣтъ!
 Онъ на шолбѣ — какъ вешній цѣпъ,
 Убитый хладомъ — предо мной
 Висѣлъ съ опущенной главой!
 Я руку тихую поднялъ!
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты!
 И, мнилось, были опняты
 Всѣ силы у души моей!
 Все страшно вдругъ сперлося въ ней!

Я дико по шюрмѣ бродилъ —
 Но въ ней покой ужасный былъ,
 Лишь вѣялъ ошъ снѣны сырой,
 Какой-то холодъ гробовой!
 И взоръ на мертваго вперивъ,
 Я зналъ лишь смушно, что я живъ!
 О! сколько муки въ знаньи шомъ,
 Когда мы шущъ же узнаёмъ,
 Что милому уже не бытъ!
 И мигъ сей могъ я пережить!
 Незнаю — вѣра ль то была!
 Иль хладношъ къ жизни жизнь спасла!

IX.

Но что попомъ сбылось со мной,
 Не помню!.. Свѣтъ казался шмой,
 Тма свѣшомъ; воздухъ изчезалъ;
 Въ оцѣпененіи стоялъ,
 Безъ памяти, безъ бытія,
 Межъ камней хладнымъ камнемъ я!

И видѣлось, какъ въ шяжкомъ снѣ,
 Все блѣднымъ, темнымъ, пусклымъ мнѣ!
 Все въ мушную слилося тѣнь!
 То не было ни ночь, ни день,
 Ни шяжкій свѣтъ шюрьмы моей,
 Сшоль ненависный для очей!
 То было шма безъ шемношы!
 То было бездна пуспошы
 Безъ пропяженъ и границъ!
 То были образы безъ лицъ!
 То спрашный міръ какой-шо былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣшилъ,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ;
 Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ!
 Какъ океанъ безъ береговъ,
 Задавленный шяжелой мглой,
 Недвижный, шемный и нѣмой!

X.

Вдругъ лучъ незапный посѣпиль
Мой умъ... то голосъ пшички былъ!
Онъ умолкалъ! онъ снова пѣлъ!
И мнилось съ неба онъ лепѣлъ!
И былъ утѣшно-сладокъ онъ!
Имъ очарованъ, оживлѣнъ,
Заслушавшись, забылся я!
Но не надолго! ... мысль моя
Спезей привычною пошла!
И я очнулся... и была
Опять передо мной пюръма!
Молчанье тоже! паже пма!
Какъ прежде, блѣдною спруей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ спѣнную скважину ко мнѣ...
Но памъ же, въ свѣтъ, на спѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ!
Онъ препеталъ, онъ шевелилъ

Своимъ лазоревымъ крыломъ;
 Онъ озаренъ былъ яснымъ днёмъ;
 Онъ пѣлъ притѣшно надо мной....
 Какъ много было въ пѣсни шой!
 И все, казалось, про меня!
 Ни разу до того я дня
 Ему подобнаго не зрѣлъ!
 Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
 О братѣ, и покинуть былъ!
 И онъ съ любовью навѣспилъ
 Меня тогда, какъ ни однимъ
 Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ!
 И въ сладость пѣснь его была:
 Душа невольно ожила!
 Но ктожь онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
 Свободный ли небесъ жилецъ?
 Или недавно изъ цѣпей
 По случаю къ шюрмѣ моей,
 Играя въ небѣ, залетѣлъ
 И о свободѣ мнѣ пропѣлъ!

Скажуль?... мнѣ думалось порой,
 Что у меня былъ не земной,
 А райскій гость! что бранный духъ
 Порадовать мой взоръ и слухъ
 Примчался пшичкою съ небесъ....
 Но ушѣшителъ вдругъ исчезъ!
 Онъ улещѣлъ въ сіянье дня!...
 Нѣтъ! нѣтъ! то не былъ бранъ!... меня
 Покинушь такъ не могъ бы онъ,
 Чтобъ я съ нимъ дважды разлученъ,
 Остался вдвое одинокъ,
 Какъ шрупъ межъ гробовыхъ досокъ!

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
 Къ душѣ шюремныхъ спорожей
 Какъ будто жалось пущъ нашла!
 Дотолъ ихъ душа была
 Безчувственнѣй желѣзь моихъ!
 И что разжалобило ихъ,

Чпо милоспъ вымолило мнѣ,
 Не знаю!.. Но опяшь къ спѣнѣ
 Уже прикованъ не былъ я!
 Оборванная цѣпь моя
 На шеѣ билася моею!
 И по шюрмѣ я вмѣспѣ съ ней
 Вдоль спѣнѣ, кругомъ сполбовъ бродилъ,
 Несмѣя брашнихъ лишь могилъ
 Дошронуться моею снопою,
 Чтобы послѣднія земной
 Священии шамъ не оскорбиль.

XII.

И мнѣ оковами прорышь
 Сшупени удалось въ спѣнѣ;
 Но воля не входила мнѣ
 И въ мысли... я былъ сирота!
 Мнѣ спалъ чужой мнѣ; жизнь пуста!
 Съ шюрмой я жизнь сдружилъ мою!
 Въ шюрмѣ я всю свою семью,

Все что знавалъ, все что любилъ
 Невозвращимо схоронилъ,
 И въ области веселой дня
 Никто ужъ не жилъ для меня!
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишній гость на немъ,
 Какъ облако, при ясномъ днѣ
 Пошербанное въ вышинѣ,
 И въ радостныхъ его лучахъ
 Не нужное на небесахъ!...
 Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
 На красоту знакомыхъ горъ,
 На ихъ утесы, ихъ лѣса,
 На слышны съ ними небеса!

XIII.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
 Всѣ были тѣжъ: на вышинѣ
 Вѣками созданны снѣга,
 Подъ ними альпы и луга,

И бездна озера у ногъ;
 И Роны блещущій пошокъ
 Между зеленыхъ береговъ;
 И слышанъ былъ мнѣ шумъ ручьёвъ,
 Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
 И по лазоревымъ водамъ
 Сверкали ясны облака;
 И быстрый парусъ челнока
 Между небесъ и водъ лещѣлъ;
 И хижины веселыхъ сель
 И кровы свѣшлыхъ городовъ —
 Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ!...
 И я примѣшилъ островокъ:
 Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
 Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
 Цвѣли при дерева на нёмъ;
 И горный воздухъ вѣялъ шамъ
 По муравъ и по цвѣшамъ,
 И воды были шамъ живѣй,
 И обвивалися нѣжнѣй

Кругомъ родныхъ береговъ онъ;
 И видѣлъ я: къ моей спѣнь
 Челнокъ съ пловцами приспаваль,
 Госпилъ у берега, оплываль,
 И при свободномъ въшеркъ,
 Лешя, скрывался вдалекъ!
 И въ облакахъ орелъ игралъ!
 И никогда я не видалъ
 Его споль быспрымъ — по къ окну
 Спускался онъ, по въ вышину
 Взлешаль — за нимъ душа рвалась,
 И слезы новыя изъ глазъ
 Пошли, и новая печаль
 Мнѣ сжала грудь... мнѣ спало жаль
 Моихъ покинушыхъ цѣпей!
 Когдажъ на дно шюрьмы моей
 Опяшь сойши я долженъ былъ —
 Меня, казалось обхвашилъ
 Холодный гробъ, казалось вновь
 Моя послѣдняя любовь

Мой милый братъ передомной
 Былъ взявъ несышою землёй;
 Но какъ ни тяжко ныла грудь —
 Чтобъ опъ спраданы ошдохнуть,
 Мнѣ мракъ шюрьмы ошрадой былъ!

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
 Шли годы — я ихъ не считалъ!
 Я, мнилось, память пошерялъ
 О перемѣнахъ на земли!
 И люди наконецъ пришли
 Мнѣ волю бѣдную ошдать!
 За что и какъ, о томъ узнать
 И непомыслилъ я — давно
 Считалъ привыкъ я за одно:
 Безъ цѣпилъ я, въ цѣпяхъ ли былъ!
 Я безнадежность полюбилъ!
 И имъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,

И подземелье спало вдругъ
 Мнѣ милой кровлей... шамъ все другъ
 Все однодomeцъ было мой!
 Паукъ темничный надо мной
 Тамъ мирно шкалъ въ моемъ окнѣ;
 За рѣзвой мышью при лунѣ
 Я шамъ подсапривашъ любилъ;
 Я къ цѣпи руку приучилъ,
 И... споль себѣ невѣрны мы!....
 Когда за дверь своей шюрьмы
 На волю я перешагнулъ —
 Я о шюрьмѣ своей вздохнулъ.

5200-63

инв. № IV-10702